

ЭФОРУМ

№ 3 (59) июль, 2018 г.

БЮЛЛЕТЕНЬ

 ЛАБОРАТОРИИ
 ЭКОНОМИКО-
 СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
 ИССЛЕДОВАНИЙ
ЗНАКОМИМСЯ.....2
 Политическая философия,
 социология и оптимизм
 Интервью с Григорием
 Юдиным
УЗНАЕМ.....5
 Цифровая этнография:
 эпистемология, метод
 и этика
УЧИМСЯ.....10
 Экономика (не)доверия:
 почему потребители вы-
 бирают добровольное ме-
 дицинское страхование
ШУТИМ.....15

Резюме неудач

Уважаемые читатели!

Мы начинаем июльский бюллетень «ЭСФорум» призывом быть открытыми для перемен! Однако стоит заметить, что наши авторы не пытаются заставить читателей поверить в афоризм «У природы нет плохой погоды», а обращают внимание на необходимость постоянной рефлексии относительно того, в каком мире мы хотим жить в ближайшем или отдаленном будущем.

В рубрике «Знакомимся» опубликована беседа с Григорием Юдиным, старшим научным сотрудником ЛЭСИ НИУ ВШЭ. В ней речь идет о том, что общество, поиском которого озабочена современная социология, на самом деле является историческим конструктом, а сама социология – это один из проектов политической философии. И хотя человек не может быть счастлив в одиночестве, специально организованное одиночество может идти ему на пользу, особенно во времена, когда проблема социальных сверхнагрузок решается многими путем приема нейрорептиков. Кстати, об их применении в рамках нейроэтики ведется активная дискуссия.

В рубрике «Узнаем» помещено эссе «Цифровая этнография: эпистемология, метод и этика». Оно было написано Полиной Колозариди и Анной Щетвиной по мотивам

двух онлайн-школ интернет-исследований, проведенных клубом любителей интернета и общества. Авторы раскрывают особенности цифровой этнографии как нового методологического подхода и рассказывают о сложностях, связанных с его применением.

В рубрике «Учимся» вы найдете статью «Экономика (не)доверия: почему потребители выбирают добровольное медицинское страхование» Анны Соколовой, стажера-исследователя ЛЭСИ НИУ ВШЭ. Автор пытается объяснить мотивацию людей, приобретающих полис ДМС, выявить смысловые контексты использования и неиспользования различных форм медицинского обслуживания и изучить роль доверия к институтам здравоохранения при выборе потребителями формы медобслуживания.

В рубрике «Шутим» – перевод CV Йоханнеса Хаусхофера, доцента факультета психологии Принстонского университета. Иронизируя над академическими стереотипами, в своем профессиональном резюме он вместо демонстрации достижений придает огласке свои несостоявшиеся попытки опубликовать статью или получить финансирование исследовательского проекта.

Желаем увлекательного чтения!**Создатели «ЭСФорума»**

Григорий Юдин
кандидат философских наук,
старший научный сотрудник
ЛЭСИ НИУ ВШЭ, профессор
МВШСЭН

Политическая философия, социология и оптимизм

Интервью с Григорием Юдиным

– Гриша, ты сейчас активно занимаешься политической философией. Скажи, пожалуйста, где проходит граница между ней и социологией?

– Непроходимой дисциплинарной пропасти между политической философией и социологией нет. Социология – это эмпирический проект внутри политической мысли, который возник на стыке XIX–XX вв. и который сегодня находится в кризисном состоянии. Философское же мышление просто необходимо для того, чтобы понимать, чем занимается социология и чем она должна заниматься. Есть люди, которые работают в таком жестко позитивистском ключе: ты вошел в комнату, ты хорошо знаешь, что находится внутри этой комнаты, а что с другой стороны здания – ты не задумываешься и считаешь, что это вообще не твое дело. Однако если ты хочешь держать дистанцию и иметь широту взгляда, философское образование просто необходимо. По большому счету, междисциплинарные границы – рудимент советской бюрократической системы организации науки. Границы охраняют люди, которые сражаются за ресурсы, финансовые и символические. Я никогда не видел, чтобы люди так беспокоились об этих границах за пределами России. Если на кону стоит содержательный вопрос – какая разница, как называются дисциплины, которые он беспокоит?

– Я думала, что междисциплинарные границы отчасти влияют

на особенности методологического подхода к анализу.

– Нет никакого социологического подхода, никакого психологического подхода и никакого философского подхода. Ничего такого не существует, все это нужно только бюрократам. Разумеется, нужно знать, что есть разные способы организации научных полей, они имеют некоторые этикетки. Сглаживание границ не означает, что не нужно знать историю социологии, не нужно знать, как социология пыталась себя позиционировать. Конечно, нужно! Но все эти войны – что и к чему относится, в чем разница между одним и другим... Я хорошо понимаю студентов, которые сталкиваются с кризисом идентичности, потому что их все время заставляют искать ответы на бессмысленные вопросы.

– Тем не менее, если я правильно понимаю, например, переход от политической экономии к новой экономической теории в свое время сопровождался осознанным выведением за скобки вопросов, связанных с этикой. Идея справедливости была переработана и конвенционально зафиксирована в виде ряда базовых посылок экономического анализа. Этические же вопросы остались философией. В социологии подобное решение представить сложно. И тогда возможно, что мы, наоборот, мало-то знаем философию. И я говорю не только о студентах.

– Да, современная экономическая наука, в свою очередь, является проектом внутри политэкономии, который попытался абстрагироваться от ценностных вопросов. Однако, во-первых, нельзя сказать, что это полностью удалось – в экономической науке по-прежнему существует масса конкурирующих с мейнстри-

мом направлений, хотя и не столь влиятельных. Во-вторых, за это была заплачена дорогая цена. Выход экономической теории из политической экономии позволил этому проекту соответствовать критериям нормальной науки по Т. Куну, обеспечил ему структуры повседневного научного действия. Однако сегодня выясняется, что экономическая наука не в состоянии ответить на основные экономические вызовы современности – от растущего неравенства до долговых кризисов. В социологии, несмотря на силу позитивистского крыла, такой ситуации, как в экономической науке, все-таки не случилось. Тут мало кто считает, что социология – «чистая» наука. И потому философское мышление тут необходимо.

– Получится ли как-то обозначить основной вопрос, которым задается философия? Ведь в социологии можно сказать, что любое исследование стремится ответить на вопрос, как возможно общество и что сегодня происходит с социальным порядком. Диагностическая функция социологии вроде бы стабильна и не зависит от того, как именно она реализуется методически.

– Надо понимать, что социология возникает как конкретный проект в исторически сложившихся обстоятельствах. Поэтому вопрос «как возможно общество» – это правильный, но не трансцендентальный вопрос, он не возникает всегда и в любых условиях. Дело не обстоит так, что люди несколько тысяч лет не знали, почему существует общество, а потом пришла социология и наконец стала отвечать на это вопрос. Общество в нашем современном понимании – это штука, которая возникает в XIX в. «Как возможно

общество» – это, по сути, вопрос о том, что случилось с социальностью в позднее Новое время. Что такое произошло с социальностью, что ее устройство мы теперь обозначаем как «общество»? Это, конечно, философский вопрос, поэтому многие основоположники социологии считали ее логичным продолжением философии истории на конкретном этапе исторического развития.

– Мы близки к тому, когда этот вопрос будет снят с повестки? Можем ли мы говорить о том, что на подходе исторический этап, когда к устройству социальности больше нельзя будет предъявлять такой вопрос?

– А это уже случилось. Именно поэтому сегодня социология довольствуется мелкими и частными вопросами, а влиятельной большой теории, которая отвечала бы на фундаментальные вопросы об общественном устройстве, в ней уже давно не появляется. Этим занимаются либо на периферии социологии, либо вообще вне ее.

Внутри социологии существует масса совершенно разных проектов, более или менее перспективных. Так было всегда, социология никогда не была однородной (в отличие, например, от неоклассической экономической науки). И чем дальше – тем эта тенденция сильнее. Сегодня начинают обсуждаться темы, которые в исходный круг вопросов социологии не входили. Появляются понятия для обозначения базовой социальности, с которыми социология не имела дело и пока что не имеет. Например, понятие множеств, которое довольно хорошо схватывает тот мир, в котором мы живем. Мир, в котором индивиды представляют собой изолированные атомы, но при этом они способны на динамичную мобилизацию и последующий распад. Масса, которая в какой-то момент может координироваться и действовать согласованно, а потом распадается. И это гораздо более адекватный способ описания сегодняшней реальности, чем, например, через функционалистские термины «разделения труда в едином обществе». Сегодня приходится переосмысливать, что такое общество, чем люди

«скреплены». Если угодно, главный вопрос политической философии – это вопрос о том, как жить вместе и что нас всех вместе держит. Политика – это искусство жить вместе.

– Мне думалось, что предложение Макса Вебера построить понимающую социологию заключало в себе надежду на то, что, выйдя на интересубъективные смыслы, мы сможем понять и принять друг друга, перестанем отмечать некоторые жизненные траектории как маргинальные, чуждые, опасные.

– Вебер был очень противоречивым мыслителем и человеком. Для него главным был вопрос о рациональности, о разуме, о той роли, которую должна играть рациональная наука. С веберовской позиции взаимное понимание, о котором ты говоришь, последует за рационализацией социальной жизни в принципе. При этом, как мы знаем, Вебер признает, что мир представляет собой постоянный конфликт, борьбу, и нужно понимать, что ценности других важны им не меньше, чем нам наши, так что нет никакого способа урегулировать конфликт между ценностями, закончить «войну богов». Это противоречие, которое проходит через всю его философию. С одной стороны, он признает радикальную множественность, которая в пределе означает бесконечную войну. С другой стороны, когда он выбирает рациональность, то исходит из того, что философско-историческая тенденция такова, что происходит всеобщая рационализация, и это наиболее сильная историческая тенденция. У нас нет никакого способа убедить кого-то, что рациональное знание лучше, чем что-либо другое. Но при этом, когда смотришь, как меняется культура, то видишь, что она становится все более рациональной. Рациональность не лучше своих конкурентов, но сильнее их. И потому именно она начинает трансформировать весь мир. Самую мощную попытку примирить эти две позиции предпринял Хабермас, который предложил проект социальной интеграции через коммуникативную рациональность. Согласно его идее, рациональность не навязывает себя

как содержательная ценность, но становится ценностью процедурной. Достаточно того, чтобы мы выработали и соблюдали рациональные правила аргументации и разрешения споров, и тогда рациональность автоматически в конце концов восторжествует.

– Тогда непонятно, где граница между академической наукой и «народной» социологией. Все люди пытаются рефлексировать по поводу того, как устроена жизнь. В таком случае, чем от них отличаются те, для кого подобная рефлексия является работой?

– Критичностью. Чем социология отличается от журналистики? Тем, что ты имеешь определенную рамку, которая позволяет тебе осознавать и проблематизировать собственную позицию. Человек на улице так не делает. Людей науки отличает то, что они не тешат себя иллюзией по поводу объективности собственного взгляда. Ты как социальный ученый умеешь спрашивать себя: кто я такой, почему я это вижу. И ты имеешь средства, чтобы отвечать на этот вопрос.

Любой студент-социолог должен уметь ответить на простой вопрос: скажите, а если ваши респонденты врут? Как это понять? Когда люди с кем-то разговаривают о каких-то интересных вещах, а потом хлоп – и вываливают услышанное в отчет, то это как раз журналистика, а не социология.

– Разве респондент может сочинить что-то такое, чего не существует в социальной жизни?

– Может, но это не бессмысленная информация, просто нужно корректно ее обрабатывать. Вопрос не в том, чтобы выводить респондентов на чистую воду, мы не дознаватели. Нужно иметь такой доступ к нарративу респондента, который позволит тебе объяснить любую его правду или кривду. Мы как социальные ученые умеем видеть, что такого-то рода высказывания таким-то образом произведены идеологически, знаем, как идеологии работают, откуда они берутся, кто и как может их производить. Это некоторая важная информация, которой нет у обычного

человека. Одна из вещей, о которых мечтал Карл Мангейм, состоит в том, что гуманитарное образование позволит тебе видеть продукты духовной жизни из разных перспектив.

– Если говорить о евгенических проектах, среди них есть такие, которые бы предлагали поменить человечество в сторону того, чтобы оно стало добрее, чтобы было меньше конфликтов?

– Конечно.

– И каковы шансы этих предложений состояться?

– Я не уверен, что хочу жить в обществе, которое станет добрее с точки зрения тех людей, которые пытаются сделать его добрее. Я скорее на стороне зла. Люди, которые предлагают такого рода проекты, обычно мало задумываются о том, что такое добро, они, часто опускают этот вопрос. Правда состоит в том, что мы уделяем недостаточно внимания вопросу о том, что такое добро.

– Я вспоминаю ваш с Дашей Орешинной доклад про кредитное поведение внутри приходских сообществ¹. На него легко среагировать как на очередную критику консьюмеризма с попыткой предложить новые стандарты потребительского поведения. Однако ваше исследование более интересно тем, что оно ставит вопрос о шансе на интеграцию, при которой люди чувствуют себя лучше.

– Да, наш посыл состоит в том, что человек – существо политическое, и без социального единства ему плохо. Человек не может жить в одиночку, он не бывает счастлив в одиночку, не бывает свободен в одиночку, не бывает справедливости в одиночку, не бывает благого бытия в одиночку. И совместности нам сегодня как раз не хватает больше всего – общего дела, общих целей, общей программы. Но есть люди, которые верят, что нужно и дальше атомизироваться.

¹ Юдин Г.Б., Орешина Д.А. Дарообмен и регуляция потребительского кредитования в сообществах: случай православных приходских общин // Социологический журнал. 2016. Т. 22. № 2. С. 110–134.

– Велики ли шансы, что такая позиция станет мейнстримом?

– Позиция сторонников атомизации? А она разве еще не стала? Мы не опускаем руки, но она уже стала мейнстримом, особенно в России. Мы живем в стране, где каждый твердо знает, что нужно заниматься в первую очередь собой, своим счастьем, и поменьше контактировать с людьми, у которых какие-то проблемы.

– 30–31 мая 2018 г. в Институте философии РАН (г. Москва, Россия) состоялась международная научная конференция «Человек в мире нейротехнологий: социальные и этические проблемы». То, что она проводилась в России, – это важно?

– Кажется, да. У нас никогда не было мероприятий по нейроэтике, это новая область знания, и она бурно развивается вслед за бурно развивающимися нейротехнологиями и нейронауками, чьи идеи порой вызывают большое напряжение и большие тревоги. До России это сейчас постепенно доходит. При этом в России уже развивается нейрооптимизм – представление о том, что развитие нейронаук и нейротехнологий сможет решить все наши проблемы. К сожалению, за этим стоит набор верований в то, как устроена наука, как устроен человек, как устроена коммуникация между людьми – и эти верования довольно примитивны. Это закрывает возможность нормального диалога. Задача нейротехники состоит в том, чтобы способствовать диалогу. Конференция была призвана собрать людей из разных научных областей и стран, которые друг другу что-то скажут с разных позиций по этому поводу. Диалог помогает регулированию нейротехнологий.

– Будут ли эти голоса услышаны? Нейротехнологии развиваются очень быстро, и еще быстрее они будут освоены рынками.

– Это правда, но рынки не всемогущи. В России, например, есть набор инстанций, которые могут мешать определенного рода тенденциям. В свое время мой отец, Б.Г. Юдин, который основал и укрепил теорети-

ческую и практическую биоэтику в России, рассказывал, что благодаря усилиям биоэтиков в нашей стране был введен запрет на клонирование. Отец наблюдал за этими вещами в динамике и говорил, что то, что сегодня выглядит способным перевернуть мир, не обязательно таким окажется. Человечество много раз за свою историю отказывалось от разных идей, которые казались невероятно прогрессивными. Мы много раз могли оказаться в другом мире, но не оказывались. Порой достаточно немножко подождать – и ажиотаж спадет, схлынет.

Например, отец был против эвтаназии – не принципиально против самой идеи, но находил ее преждевременной для России, видя, что здесь много условий для злоупотребления. И смотришь: в какой-то момент эта тема была на слуху, а сейчас с ней стало поспокойнее. Сегодня много говорят о проблеме с отсутствием обезболивания для тяжелых онкологических больных – и порой страшно представить, что было бы с разрешением на эвтаназию в таких условиях. Мы бы оказались в другом мире. Пока этого не происходит.

В истории так было много раз. Мы только что издали сборник его последних работ²: там приводится ряд примеров, когда удавалось разными способами притормозить некоторые инициативы. Это необязательно вопрос законодательного регулирования: если в профессиональной и публичной сфере поднимается дискуссия, в ходе которой отдельные идеи оказываются нелегитимными, это уже большой шаг. Иногда считается, что если на какую-то технологию есть запрос крупного капитала, то она все равно будет развиваться, пусть даже втайне. Но мы говорим о дорогостоящих медицинских исследованиях, и это миф, что их можно делать в подполье: это затруднительно, и, как правило, о них быстро становится известно. Поэтому, пока у общества нет консенсуса относительно того, в какую сторону двигаться, сами медики будут неизбежно воспринимать возражения,

² Юдин Б.Г. Человек: выход за пределы. Москва: Прогресс-Традиция, 2018.

которые существуют в социальной среде.

– **И все же рынки задают определенную инерцию. Пока большая фарма остается основным инвестором в поиск лекарства от рака, мы никогда не начнем проводить исследования, которые позволяли бы не лечить онкологию, а предотвращать.**

– Пока мы что-нибудь не сделаем с капитализмом, так и будет.

– **А что мы можем с ним сделать?**

– Джеймисон писал, что сегодня нам гораздо проще представить себе конец света, чем конец капитализма. Есть разные способы отвечать на этот вопрос. Одни считают, что капитализм можно подремонтировать внутри, коммунизировать, перенаправить. Другие думают, что нужно его ускорить, чтобы либо приблизить окончательный кризис, либо отобрать у него те технологии, которые он использует в своих целях и против человеческого благополучия. Третьи, наоборот, полагают, что его нужно просто сдерживать – сопротивляться ему, по возможности отвоевывая некое пространство.

– **Речь идет о системе сдержек и противовесов?**

– Если говорить о распространении нейротехнологий, то есть озабоченность публики: многие люди чувствуют, что что-то не так. И важно, чтобы были площадки, где это обсуждалось бы, где формулировались бы различные аргументы и контраргументы. Это важно сегодня в России: я вижу, как определенный слой со вполне понятными идеологическими предпочтениями просто уходит в нейромифологию, и готов вкладываться в это. И думаю, что такой позиции стоит сопротивляться. То, что нейропроекты так хорошо ложатся на российскую почву, говорит о том, что они очень хорошо встроены в доминирующую сегодня идеологию. Идея о том, что личность человека есть его мозг, легко встраивается в нее, а вместе с ней хорошо встраивается и представление о том, что социальные проблемы можно решить с помощью ней-

роконтроля. С этим самое время что-нибудь делать.

– **Все равно об этом больше говорят люди, живущие в академической рамке.**

– В России нет развитой публичной сферы. Если ты выйдешь на улицу и станешь спрашивать о том, как люди относятся к различным перспективам, ты обнаружишь, что к каким-то предложениям они относятся очень позитивно, а к каким-то – не очень. И если ты предъявишь контраргументы – может завязаться разговор.

– **Идея состоит в расширении репертуара возможных аргументов?**

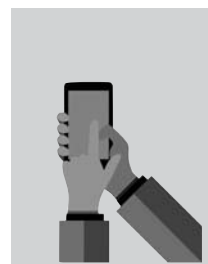
– Это то, что мы сегодня можем делать. Пока мы не можем рассчитывать на нормальный публичный диалог – скорее, можно вбрасывать какие-то аргументы и смотреть, что люди думают. Вроде нейролептики для расширения сознания накануне экзаменов – это хорошо. А с другой стороны, зачем именно нужно расширять сознание, кто меня заставляет с утра до ночи учиться в таком формате, что мне нужны эти таблетки, что будет дальше, поможет ли мне это по жизни, научусь ли я чему-нибудь всерьез? В этом и состоит задача интеллектуала – отстаивать какую-то позицию, чтобы добиваться стойкости. Например, в случае образования сегодня важно говорить о том, что от образования нам нужно только то, что нас развивает, помогает нам лучше понимать мир. Все остальное нам не нужно, и если нас заставляют это делать, то что-то не так с образованием, а не с нами. Если есть что-то, что заставляет меня принимать таблетки, чтобы продолжать учиться, давайте разбираться с этим образованием.

– **То есть оптимистичные модели социальной жизни в философии встречаются?**

– Лично я вообще оптимист. Просто я оптимист-перестраховщик. Нужно не слепо верить в удачу, а сначала сделать все необходимое, чтобы все пошло по лучшему сценарию.

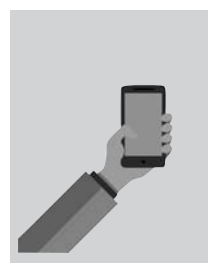
Беседовала

Елена Бердышева

Полина Колозариди

кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра социологии высшего образования Института образования, преподаватель департамента медиа факультета коммуникаций, медиа и дизайна НИУ ВШЭ, координатор Клуба любителей интернета и общества

Анна Щетвина

студентка образовательной программы «Культурология» НИУ ВШЭ, член Клуба любителей интернета и общества

По мотивам двух онлайн-школ интернет-исследований¹, проведенных Клубом любителей интернета и общества (<http://clubforinternet.net>) Полина Колозариди и Анна Щетвина говорят о сложностях, которые связаны с использованием цифровой этнографии.

Мы предполагаем, что наш читатель может быть стихийным цифровым этнографом. Все мы становимся ими, когда, например, заходим в инстаграм-аккаунты бывших одноклассников и начинаем бесконечно листать, удивляясь, что же люди такое делают в интернете. Или когда обнаруживаем сообщества любителей сырков и шаурмы во ВКонтакте. Интернет позволя-

¹ URL: <http://clubforinternet.net/edu>

Цифровая этнография:

ет всем нам оказываться одновременно аборигенами, колонизаторами и теми антропологами, которые отправлялись когда-то в далекие земли, где живут, кажется, совсем другие люди. Во многом этот текст посвящен тому, как определяют себя цифровые этнографы, где их виртуальные (или реальные) эмпирические объекты, а также почему этические вопросы оказываются новыми и важными.

В самом словосочетании «цифровая этнография» есть немало сомнительного. Для интернет-исследователей под подозрением зыбкое понятие «цифровой», которое означает нечто, отдаленное от «аналогового» мира, но не имеет позитивного содержания. Для антропологов, этнографов и фольклористов использование слова «этнография» по разным причинам может быть болезненным, так как консенсуса о том, что считается теорией, а что – методом, мы не найдем.

Эти две оговорки необходимы, чтобы начать разговор о том, что это за метод и как его использовать. В рамках двух онлайн-школ интернет-исследований, проведенных Клубом любителей интернета и общества, мы несколько раз обращались к нему, и составляя учебные материалы², и непосредственно выходя в поле. Поэтому мы будем говорить в первую очередь о том опыте, который сформировался в ходе этой работы: междисциплинарном, прикладном и рефлексивном.

Итак, мы считаем, что этнография – это методологический подход. В рамках этнографии уживаются несколько методов: включенное наблюдение, анализ контента и дискурса, насыщенное описание, глубинные интервью. Те же методологические принципы применяются и в цифровой этнографии, но в другом контексте и на других объектах – включенное наблюдение проводится на форумах и в видеоиграх, интервью берутся с помощью скайпа, а описанию с помощью дискурс-анализа подвергаются ролики на ютубе. Теоретические основания этого подхода разнообразны: это и символический интеракционизм³ (Маркхам), и социальная антропология⁴ (Белсторф), и визуальные исследования⁵ (Реттберг).

Сочетается ли цифровая и «аналоговая» этнография? Существует немало исследований, которые обращаются к практикам взаимодействия человека и гаджета или интернета, но сбор материала происходит офлайн.

С годами различить онлайн и офлайн становится все сложнее. Если вы наблюдаете за действиями человека в смартфоне, то для изучения некоторых вопросов знать содержание его действий необязательно. Такой подход использует Константин Глазков, исследуя нормативность использования смартфонов и VR в городском пространстве⁶. Но иногда, наоборот, нужно наблюдать в том числе и за тем, что делает пользователь в интернете – так были устроены исследования Дэниела Миллера и его коллег в проекте «Why we post». Они наблюдали сообщества в офлайн-среде, а также анализировали их взаимодействия в интернете⁷. В 2018 г. представляется, что граница онлайн и офлайн будет меняться и дальше, во многом размываясь, и, на наш взгляд, приставка «цифровой» используется для переходного периода, пока новое пространство и подходы не стали привычными. Но те методологические и этические вопросы, которые возникают сейчас, могут повлиять на развитие метода в целом.

Исследования этих странных мест

Когда этнографические исследования того, что происходит в интернете, только начинались, в большем ходу были обозначения «кибер» и «виртуальный». Происходящее в интернете представлялось мало связанным с офлайн-миром. С тех пор оба эти понятия существуют наравне со словом «цифровой», но нам кажется важным провести здесь разграничение. Виртуальной этнографией чаще называют изучение особых виртуальных миров: компьютерных игр, анонимных форумов и других мест в интернете, где люди идентифицируют себя способом, никак не связанным с их кругом общения и паспортными данными в материальном мире. Например, таковы исследования Тома Белсторфа про *Second Life*⁸.

Когда мы говорим об изучении групп во ВКонтакте или чатов в мессенджерах, где все представлены своими реальными именами, слово «виртуальный» едва ли будет уместно. Есть авторы, которые разделяют все эти обозначения, например, Кристин Хайн, в своей книге «Virtual Ethnography»⁹, а Ади Кунцман, наоборот, использует их как синонимичные¹⁰. В 2018 г. нам представляется, что со всеми оговорками, с которых мы начали, это вполне резонно.

² URL: http://clubforinternet.net/school_18/current/ethnography

³ Markham A.N. et al. From Object to Flow: Network Sensibility, Symbolic Interactionism, and Social Media // Johns M.D., Chen S.-L. S., Terlip L.A. (eds.) Symbolic Interaction and New Social Media (Studies in Symbolic Interaction. Vol. 43. Bingley: Emerald Group Publishing Limited, 2014. P. 7–41.

⁴ Boellstorff T. Coming of Age in Second Life: An Anthropologist Explores the Virtually Human. Princeton: Princeton University Press, 2008.

⁵ Rettberg J.W. Seeing Ourselves Through Technology: How We Use Selfies, Blogs and Wearable Devices to See and Shape Ourselves. New York: Palgrave Macmillan, 2010.

⁶ Глазков К.П. Телесное присутствие в геолокационных играх. Часть 1 // Социология власти. 2017. Т. 29. № 3. С. 163–196.

⁷ Miller D. et al. How the World Changed Social Media. London: UCL Press, 2016.

⁸ Boellstorff T. Coming of Age in Second Life: An Anthropologist Explores the Virtually Human. Princeton: Princeton University Press, 2008.

⁹ Hine C. Virtual Ethnography: Modes, Varieties, Affordances // Fielding N., Lee R.M., Blank G. (eds). The SAGE Handbook of Online Research Methods: SAGE Publications, Ltd, 2008. P. 257–270.

¹⁰ URL: <http://clubforinternet.net/school/lesson2>

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, МЕТОД И ЭТИКА

Сейчас мы говорим о цифровой этнографии, используя метафору пространства. В классической книге Кристин Хайн используется обозначение интернета как пространства взаимодействия (*cite for interaction*), и это, конечно, не случайно. Цифровой этнограф работает с интернетом как пространством, а не инструментом и не частью жизни, неотъемлемо находящейся с нами¹¹. Вероятно, сейчас это основное отличие, которое оберегает границы цифровой этнографии от не-цифровой, в которой используются и другие метафоры.

Так же как этнографы отправляются в определенное место вне интернета, цифровой этнограф отправляется на форумы, в паблики и группы, комментарии ютуберов

и сториз (*stories*) в Инстаграме. Если читателя смутит обилие незнакомых слов, являющихся незамысловатой калькой с английского, можно считать это странными обозначениями локаций и племен. Но эти племена не отделены от нас физическими границами – пользователи совершенно других ресурсов могут ехать по соседству в метро или учиться с вами в одной группе, наконец, жить в одной семье. Эта разделенность на уровне практик при локальной близости формулирует важную миссию цифровых этнографов: они, одни из немногих, понимают различия языков. Как в примере, который приводит Клод Леви-Стросс, описывая взаимодействия еврейского купца, на исследователе лежит большая ответственность. Но мы вернемся к этому вопросу, обращаясь к теме этики, а сейчас нужно понять, что, собственно, делают цифровые этнографы.

Изучение взаимодействий через интерфейс и морали через мемы

После сообществ и их практик первым объектом изучения этнографии в самом общем случае являются взаимодействия, и в интернете они существуют точно так

же, как вне его. Люди взаимодействуют друг с другом, с элементами контекста (интерфейса) и текстами (буквенными, визуальными и самыми разными). Также в интернете есть нечеловеческие сущности, которые тоже могут взаимодействовать¹². Цифровые этнографы нередко ссылаются на работы Донны Харауэй¹³, которые позволяют нам вводить в исследования киборгов, даже если мы не занимаемся научной фантастикой, а работаем с вполне современными явлениями: человек + интерфейс. Итак, мы изучаем не только людей, но, на самом деле, и не только взаимодействия.

Если мы обратимся к той части цифровой этнографии, которая занята культурой, современным фольклором и текстами, у нас откроются еще несколько полей для исследования. Это изучение мемов, которое стало едва ли не субдисциплиной (*meme studies*), а также анализ текстов, в котором мы уже свободны в выборе подхода: от разговорного анализа до контент-анализа, в том числе и количественного. Часто изучение, например, мемов неотделимо от изучения взаимодействий, сообществ и культуры. Об этом пишет Дэниел Миллер,

говоря о мемах как «моральной полиции», которая позволяет понять нормы и увидеть, что невозможно для осмеяния в каждом сообществе¹⁴.

Важно решить, с какой информацией вы работаете. Ади Кунцман в своей лекции¹⁵ для клуба любителей интернета и общества говорила о трех базовых элементах исследования.

1. Мы можем смотреть на слова, на то, что люди говорят, и как они это говорят. Это может быть текстуальный анализ, литературный или дискурсивный.
2. Мы можем смотреть на визуальный ряд: например, фотографии в интернете, картинки, видео. Так, если мы изучаем тему политического конфликта между двумя странами, то можем посмотреть, как она отражается в селфи, в мемах. Как пишет Джилл Уолкер Реттберг, это связано с исто-

¹² Light B. The Rise of Speculative Devices: Hooking Up With the Bots of Ashley Madison // First Monday. 2016. Vol. 21. No 6.

¹³ Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.

¹⁴ Miller D. et al. How the World Changed Social Media. London: UCL Press, 2016.

¹⁵ URL: <http://clubforinternet.net/school/lesson2>

¹¹ Markham A. Internet as Research Context // Seale C., Gubrium J., Silverman D., Gobo G. (eds). Qualitative Research Practice. London: Sage, 2004.

рией искусства, *visual studies*. Причем там тоже подходов много: что на картинке, что за картинкой, композиция, кто на ней есть, кого нет, как эти онлайн-объекты перемещаются и изменяются, какова динамика их присутствия на разных интернет-площадках¹⁶.

3. Мы можем смотреть на то, что человек делает. Тогда вы исследуете, как люди в соцсетях воспринимают проблему, что они о ней пишут или чего не пишут, что говорят в комментариях, как они формируют твит или как они изображают это – серьезно или карикатурно, какие жанры они создают в сети, когда делают пост, шерят (*posting, sharing*).

Каждое исследование по цифровой этнографии предполагает отчасти новый набор инструментов. Нам нужно отвечать на вопрос о том, кого мы считаем акторами, что такое авторство, допустимо ли рассматривать вместе изображение, текст и хэштег (и какую роль может играть такой объект, как хэштег), насколько материально онлайн-пространство, и т.д. Нецифровой этнограф проводит похожую работу, за тем исключением, что он всегда сможет определить, где находится он сам по отношению к полю. Это более разработанная проблема, для нее есть язык описания. В цифровой этнографии позиция всегда более зыбкая, поскольку зыбко и понимание тела и присутствия. Поэтому этические и методологические вопросы оказываются так важны.

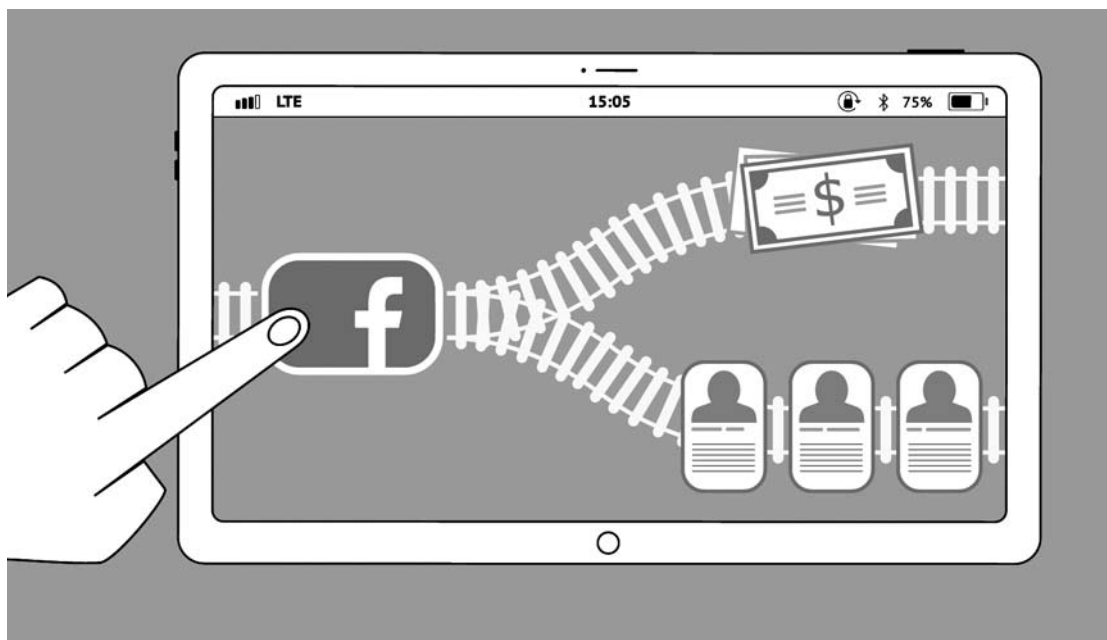
“Если информация в открытом доступе, разве я не могу ее взять?”: как и зачем думать об этике цифровому этнографу

Вопросы этики после постколониального поворота активно обсуждаются и применительно к методам обычной, офлайновой этнографии. Но если мы говорим об изучении онлайн-сред и объектов, возникает целый ряд дополнительных сложностей. Например, разграничение личного и публичного пространства – тема, обострившаяся в последний год (скандал с Cambridge Analytics, суд на Цукербергом, принятие закона GDPR – General Data Protection Regulation).

Глобальные сборы, казалось бы, доступных всему миру данных спотыкаются о локальные контексты и индивидуальные понимания границ приватного и публично-

го в интернете. Как отмечают Аннетт Маркхам и Элизабет А. Бачанан¹⁷, даже если люди хорошо понимают степень публичности выкладываемой информации, использование ее в другом контексте может приводить в шок. Так, для некоторых онлайн-дневники и социальные сети – это площадки, где они чувствуют себя в наиболее частных условиях, по сравнению с офлайном. Твои бумажные дневники легко могут найти и прочитать родители¹⁸, а если ты живешь в большой семье или в деревне, интернет оказывается местом обретения желанного личного пространства¹⁹.

Новые этические сложности, возникающие в цифровой этнографии, связаны с исчезновением анонимности с онлайн-площадок. Платформы и приложения требуют авторизации с использованием личных данных, достоверная информация является залогом приема на работу или получения скидок на государственные услуги. А это значит, что человека все проще идентифицировать. За-

нимаясь цифровой этнографией, исследователю нужно понимать риски, которые может повлечь сбор и опубликование любой цифровой информации об исследуемых людях. За легкодоступностью разных интернет-данных – сохранить на диск картинки, цифры и скриншоты гораздо проще, чем сохранить информацию о контексте при офлайновых исследованиях, – легко забыть об их плотной связи с людьми, а самих людей в этом случае трудно воспринимать как источники данных. Для того чтобы этого не происходило, в университетах и исследовательских сообществах создаются комитеты по этике (при

¹⁶ Rettberg J.W. *Seeing Ourselves Through Technology: How We Use Selfies, Blogs and Wearable Devices to See and Shape Ourselves*. New York: Palgrave Macmillan, 2010.

¹⁷ Markham A., Buchanan E.A. *Ethical Concerns in Internet Research* // Wright J. (ed.). *The International Encyclopedia of Social and Behavioral Sciences*. 2nd ed. Oxford: Elsevier Press (forthcoming).

¹⁸ Ibid.

¹⁹ McDonald T. *Social Media in Rural China*. London: UCL Press, 2016.

AOIR (Association Of Internet Researches²⁰, University College London²¹ и т.д.), но даже несмотря на четкие требования, выставляемые этими комитетами, пока кажется, что этических вопросов больше, чем ответов.

Все это ведет к вопросу, который хочется задавать перед началом каждого исследования: для кого оно проводится, кто получит наибольшую пользу от того, что эта работа будет проведена? Можно руководствоваться личным исследовательским интересом и верить, что любое исследование, которое приносит новое знание, полезно и хорошо, ведь наука – это полезно и хорошо. Но хорошо и полезно для кого? Здесь обычно происходит переход на универсальные понятия. Если мы будем смотреть на отдельных людей и конкретные сообщества, понятия «пользы» и «хорошего» придется адаптировать. Что, если полученная информация может сделать исследуемую группу уязвимой? Или если исследуемая вами группа не хочет, чтобы ее изучали и распространяли знания о ней? Часто этот вопрос не рассматривается, но если задуматься о том, почему исследователи вообще могут пренебрегать им, выявится знакомая и не очень приятная структура власти – исследователь обладает ресурсами и возможностью описывать и распространять полученное знание, за ним стоит инфраструктура, сообщество, гранты и институт академической карьеры, которые легитимируют почти любые его действия в рамках исследовательского формата.

Что же со всем этим делать? Хотя формальные академические нормы этики везде немного отличаются и все еще постоянно меняются, можно выделить несколько базовых идей: исследование не должно вредить исследуемой группе, важно понимать, кому, скорее всего, принесут пользу результаты исследования, а при хранении и публикации информации должна быть обеспечена конфиденциальность. Легко сказать, но сложно применить на практике – эти идеи достаточно абстрактны и их непросто перевести в универсальные конкретные инструкции. Результативнее будет задавать вопросы, связанные с этими концептами, относительно каждого конкретного исследования.

Чтобы не отказываться от исследований вовсе, мы предлагаем начать с того, что большая часть онлайн-материалов связана с людьми, и стоит относиться к этим людям как к участникам диалога, в который исследователь вступает, проводя свою работу. Это слож-

нее при использовании количественных методов или при работе с текстовыми/визуальными материалами, но в этих случаях тоже можно многое сделать. Например, при контент-анализе сообщений на форуме попытаться посоветоваться с его администратором и/или самыми активными участниками. Если посоветоваться не получится, то как минимум стоит все анонимизировать (не просто убрать никнейм, а сделать так, чтобы цитата не гуллилась). Хорошая стратегия – включать в разработку дизайна исследования этап этической рефлексии и составлять список вопросов к исследованию и возможных сложностей. Можно воспользоваться и уже готовыми списками, например, рекомендациями AOIR²².

Заключение

Цифровая этнография похожа на обычную, но мы хотим обратить ваше внимание на несколько скользких аспектов, которые, как нам кажется, надо иметь в виду.

1. Так же, как и в офлайне, в онлайн действуют люди, поэтому не стоит говорить, что цифровая этнография изучает виртуальность. Даже изучая

виртуальные миры (видеоигры, Second life), следует иметь в виду реальных людей. Впрочем, мы говорим о людях с некоторой оговоркой, так как этнографы как никто другой понимают про постгуманизм.

2. Важно понимать, с каким видом информации вы работаете, и подбирать методы соответственно этому типу. Исследовать можно не только людей, но и объекты, а еще людей через объекты и наоборот. А еще можно исследовать обычную жизнь людей через онлайн или офлайн-присутствие и использование гаджетов офлайновыми способами.
3. И последнее – цифровая этнография чувствительна к этике, но точной инструкции по правильному этическому исследованию нет. Важно заранее подумать об этических сложностях и о том, для чего/для кого вы проводите исследование.

²⁰ URL: <https://aoir.org/ethics/>

²¹ URL: <https://ethics.grad.ucl.ac.uk/>

²² URL: https://aoir.org/aoir_ethics_graphic_2016/

Экономика (не)доверия: почему потребители выбирают добровольное медицинское страхование

Анна Соколова
стажер-исследователь
Лаборатории экономико-
социологических исследований

Здравоохранение – важный элемент социальной политики, и государство решает вопрос его обеспечения различными путями. Можно выделить три основные модели здравоохранения:

- 1) финансируемое за счет налогов;
- 2) финансируемое за счет отчислений работодателей страховым компаниям с обязательным страхованием уязвимых групп;
- 3) система частного медицинского страхования с наличием конкурентного рынка².

В современной России действует так называемая национальная система здравоохранения, основанная на выделении бюджетных средств страховым компаниям для медицинского обслуживания населения (система обязательного медицинского

страхования³). Исследования показывают, что такая модель характерна для социально-демократических государств⁴, однако в случае России следует также учитывать наследие распределительной экономики СССР, где бесплатное медицинское обслуживание декларировалось как неотъемлемое право каждого гражданина⁵. При этом переход от социалистической к рыночной модели здравоохранения влечет тяжелые социальные и демографические последствия⁶. В данный момент в условиях финансового бремени системы здравоохранения для государственного бюджета и сверхнагрузки на медицинские учреждения в нашей стране создается лишь иллюзия бесплатного здравоохранения: от пациента ожидается участие в финансировании собственного медицинского обслуживания⁷. При переходе к рыночной экономике появляются альтернативные формы медицинского обслуживания – частные меди-

цинские услуги и добровольное медицинское страхование.

С 2015 по 2017 г. количество граждан, обеспокоенных проблемами здравоохранения, выросло с 8 до 21%⁸. Более половины россиян оценивают качество государственного здравоохранения как низкое, отмечая непрофессионализм врачей, проблемы в работе медицинских учреждений и низкое качество услуг. Однако, несмотря на высокий уровень неудовлетворенности населения государственным здравоохранением, нет и роста объема потребления альтернативных рыночных форм медицинского обслуживания. С 2005 по 2015 г. объем рынка платных медицинских услуг в России увеличился с 224,8 до 671,5 млрд руб.⁹, однако в случае болезни к услугам платной медицины обращаются лишь 8% граждан¹⁰. Рынок добровольного медицинского страхования (ДМС) расширяется медленными темпами и в основном за счет увеличения стоимости полисов¹¹, а не привлечения новых потребителей.

Цель данного исследования – объяснить потребительский выбор формы медицинского обслуживания у обладателей полиса добровольного медицинского страхования. Я ставлю следующие задачи: описать установки относительно системы ДМС и мотивацию приобретения полиса; выявить смысловые контексты использования и неиспользования различных форм медицинского обслуживания; изучить роль доверия к институтам здравоохранения при выборе формы медобслужива-

¹ Автор выражает признательность научному руководителю данной работы Елене Сергеевне Бердышевой, соавторам Ольге Лещенко, Марии Терно и Ларисе Атаян, а также участникам проектного семинара ЛЭСИ 10 марта 2017 г. и слушателям секции «Развитие институтов организации медицинской помощи» XIX Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества.

² Lameire N., Joffe P., Wiedemann M. Healthcare Systems – an International Review: An Overview // *Nephrology Dialysis Transplantation*. 1999. Vol. 14. No 6. P. 3–9.

³ Sheiman I. Forming the System of Health Insurance in the Russian Federation // *Social Science and Medicine*. 1994. Vol. 39. No 10. P. 1425–1432.

⁴ Toth F. The Choice of Healthcare Models: How Much Does Politics Matter? // *International Political Science Review*. 2013. Vol. 34. No 2. P. 159–172.

⁵ Barr D., Field M. The Current State of Health Care in the Former Soviet Union: Implications for Health Care Policy and Reform // *American Journal of Public Health*. 1996. Vol. 86. No 3. P. 307–312; Rechel B., McKee M. Health Reform in Central and Eastern Europe and the Former Soviet Union // *Lancet*. 2009. No 374. P. 1186–1195.

⁶ Ma J., Lu M., Quan H. From a National, Centrally Planned Health System to a System Based on the Market: Lessons from China // *Health Affairs*. 2008. Vol. 27. No 4. P. 937–948; Harrison M., Calltorp J. The Reorientation of Market-oriented Reforms in Swedish Healthcare // *Health Policy*. 1999. No 50. P. 219–240.

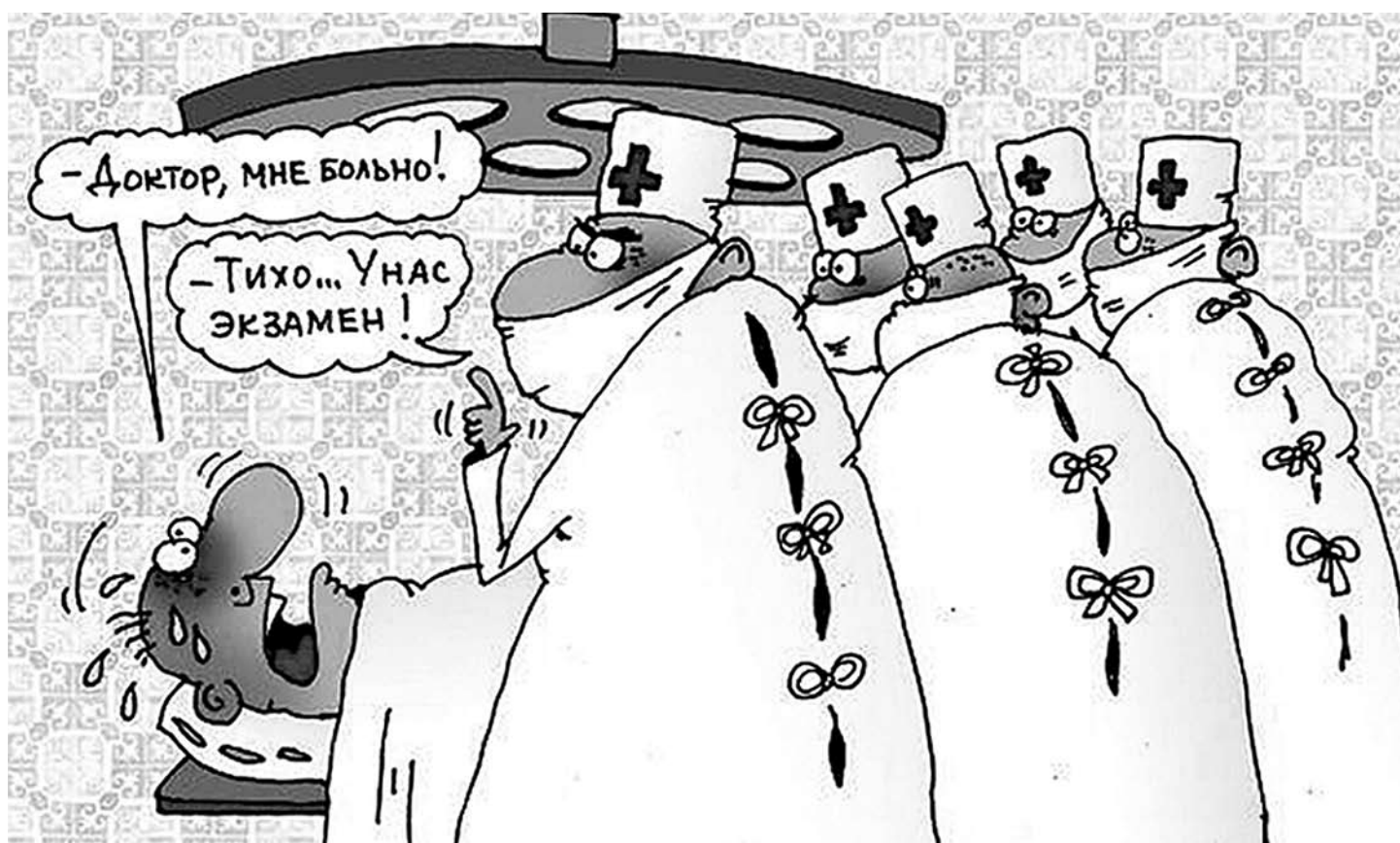
⁷ Fotaki M. Maintaining the Illusion of a Free Health Care in Post Socialism: A Lacanian Analysis of Transition From Planned to Market Economy // *Journal of Organizational Change Management*. 2009. Vol. 22. No 2. P. 141–158.

⁸ ВЦИОМ. Пресс выпуск № 3440. URL: wciom.ru/index.php?id=236&uid=115370

⁹ РБК+. Приложение «Платные медицинские услуги», 2016.

¹⁰ ВЦИОМ. Пресс-выпуск. № 2919. URL: wciom.ru/index.php?id=236&uid=116354

¹¹ Инфляция в помощь // Профиль, 2016. URL: profile.ru/economics/item/108153-inflyatsiya-v-pomoshch

ния. В качестве основного предположения исследования выдвигается следующий тезис: потребители услуг добровольного медицинского страхования делают выбор в пользу такой формы медицинского обслуживания не из-за доверия к ДМС, а из-за недоверия к альтернативным формам, в частности к государственной системе здравоохранения.

Теоретические предпосылки исследования: превращение пациента в клиента и экономика доверия

В России произошел переход от распределительной и властной советской медицины, монополизированной государством¹², к расширенному рынку здравоохранения с возможностью выбора форм медицинского обслуживания¹³. Такой переход можно охарактеризовать в рамках

моделей взаимодействия врача и пациента, предложенных биоэтиком Робертом Витчем¹⁴: на смену «патерналистской» (патриархальной) модели взаимодействия приходит альтернатива в виде «контрактной». Контрактная модель предполагает полное равноправие врача и пациента, однако в их отношениях существует неизменная асимметрия информации. Таким образом, потребитель медицинских услуг, несмотря на независимость и рациональный подход, все равно в некоторой степени основывает свой выбор на доверии¹⁵. Доверие – не антоним рациональности; рациональный выбор «не исключает, а скорее, предполагает рефлексивно выстраиваемое

доверие к институтам и профессионалам и ориентацию на сотрудничество с врачами»¹⁶.

Темкина в своей работе, посвященной выбору платного родовспоможения, выдвигает концепцию «экономики доверия» в медицине: «на рынках [касающихся жизни и здоровья] возникают условия для “экономики доверия”, когда обмены выходят за рамки официальной оплаты и формальных договоров, включают эмоционально окрашенные персонифицированные отношения». В данном исследовании я буду полагаться на концепт не личного, но институционального доверия в структуре потребительского выбора: определенных ожиданий от института, основанных на предыдущем опыте взаимодействия или установках и представлениях¹⁷. Проблематика недоверия долгое время рассматривалась как производная от доверия:

¹² Barr D., Field M. The Current State of Health Care in the Former Soviet Union: Implications for Health Care Policy and Reform // *American Journal of Public Health*. 1996. Vol. 86. No 3. P. 307–312.

¹³ Шейман И.М., Шишкин С.В. Расширение потребительского выбора в здравоохранении: теория, практика, перспективы. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012.

¹⁴ Veatch R. *The Patient-Physician Relation: The Patient as Partner. Part 2*. Bloomington, IN: Indiana University Press, 1991.

¹⁵ Здравомыслова Е., Темкина А. «Врачам я не доверяю», но... Преодоление недоверия к репродуктивной медицине. // *Здравомыслова Е., Темкина А. Здоровье и доверие: гендерный подход к репродуктивной медицине*. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2009. С. 179–210; Zadoroznyj M. Birth and the 'Reflexive Consumer': Trust, Risk and Medical Dominance in Obstetric Encounters // *Journal of Sociology*. 2001. Vol. 37. No 2. P. 117–139.

¹⁶ Темкина А.А. «Экономика доверия» в платном сегменте родовспоможения: городская образованная женщина как потребитель и пациентка // *Экономическая социология*. 2017. Т. 18. № 3. С. 14–53.

¹⁷ Sztompka P. *Trust: A Sociological Theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

«влияние недоверия эквивалентно влиянию доверия, но со знаком минус»¹⁸. При рассмотрении потребительского выбора недоверие – причина отказа от определенной услуги или фактор увеличения транзакционных издержек¹⁹; в контексте российского общества актуальна идея Штомпки о возникновении общего недоверия при резких социальных изменениях²⁰; такое состояние способно повлиять на поведенческие стратегии и ожидания людей²¹.

Выборка и методы исследования

Эмпирическая база данного исследования – 20 глубинных полуструктурированных интервью с обладателями полиса ДМС в Москве. Качественная методология в работе обусловлена характером предмета исследования – потребительским выбором формы медицинского обслуживания, элементами которого являются и рациональность, и доверие, поэтому именно насыщенное описание позволит увидеть смысловой контекст потребления той или иной формы. В выборке охвачены все возможные способы получения полиса: добровольное личное приобретение, получение на месте работы, личное приобретение по предложению от работодателя, приобретение в отсутствие полиса ОМС иностранными гражданами (система обязательного медицинского страхования в России распространяется только на граждан РФ). Социально-демографическая структура выборки включает 12 женщин и 8 мужчин, 13 человек до 25 лет и 7 человек старше 25 лет. Информанты были набраны методом снежного кома с тремя точками входа и методом интенсивного отбора через социальную сеть Facebook.

¹⁸ Калюжнова Н.Я. Экономика недоверия: роль социального капитала в России // Журнал институциональных исследований. 2012. Т. 4. № 2. С. 74–82.

¹⁹ Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию. М.: Ермак, 2004.

²⁰ Sztompka P. Op. cit.

²¹ Фреик Н. В. Концепция Доверия в Исследованиях П. Штомпки // Социологические исследования. 2006. № 11. С. 10–18.

Установки относительно ДМС и мотивация приобретения

Установки относительно ДМС варьировались у информантов в соответствии с различными способами получения ими полиса. Так, информанты с частной страховкой рассматривали полис ДМС как инвестицию в собственный физический капитал, а также как способ экономии на частной медицине и платных услугах государственного здравоохранения. У тех информантов, кто получил страховку в качестве элемента социального пакета на работе, а также от корпоративного полиса близких, наблюдается низкий уровень информированности о системе ДМС и некоторая индифферентность к полису. Это объясняется тем, что решение о приобретении полиса было уже сделано компанией-работодателем за индивиду, и услуга не воспринимается в качестве приобретенной.

Чтобы купить личный [полис]... надо очень сильно запариться, потому что у нас медицина в принципе бесплатная, и людям не хочется тратить какие-то дополнительные деньги на страхование. А компания без особого твоего разрешения предоставляет тебе такую услугу, корпоративное страхование. И это уже воспринимается просто как бонус (женщина, студентка, корпоративная страховка, полученная от отца).

ДМС как альтернативная форма медицинского обслуживания

Информанты признают рыночную логику в здравоохранении и относят добровольное медицинское страхование к альтернативным рыночным формам медицинского обслуживания. Коммерциализация медицинских услуг ими воспринимается в положительном ключе как возможность улучшить сервис и качество услуг для тех, кто готов доплатить. Однако повсеместное распространение ДМС, по мнению информантов, может лишить незащищенные слои населения доступа к медицинским услугам. Добровольное медицинское страхование считается не реальной альтернативой государственной системе здравоохранения, а «ви-

шенкой на торте» для тех, у кого есть на это средства. У всех граждан вне зависимости от типа полиса существует высокий запрос на социальную защиту от государства хотя бы на минимальном уровне, а дальнейшее повышение качества услуг воспринимается как дополнительное и может обеспечиваться конкуренцией на рынке.

ДМС заставляет как-то конкурировать, повышать уровень определенным образом... Клиенты заставляют тебя повышать уровень оказываемых услуг. (мужчина, офисный работник, частная и корпоративная страховки); многие вещи, как правило, развиваются лучше, эффективнее, будучи коммерциализированы, нежели если бы это было какое-то плановое управление... (мужчина, офисный работник, частная страховка).

Эмоциональный аспект восприятия полиса ДМС

В данной работе важно осветить и эмоциональный аспект восприятия населением полиса добровольного медицинского страхования, так как «доверие в медицине... основано не столько на доказательствах и расчетах, сколько на эмоциях, ожиданиях, социальных сетях и укоренённых привычках»²². Основными эмоциональными впечатлениями информантов от полиса ДМС были «комфорт», «уверенность», «защищенность». Такие категории служат фундаментом для формирования и личностного, и институционального доверия, поэтому мы можем говорить о доверии к системе ДМС даже вне контекста использования полиса.

...[от полиса ДМС] некоторое ощущение защищенности существует от того, что ты можешь всегда обратиться за помощью... и ощущение компетентности врачей, [врачи] более участливые... какое-то другое отношение, не как из толпы (женщина, офисный работник, корпоративная страховка); ...в плане комфорта и спокойствия какого-то... Я просто знаю, что всегда, мало ли что –

²² Томкина А.А. Указ. соч.

и ко мне придет клевая скорая (женщина, студентка, частная страховка).

Смысловые контексты использования и неиспользования полиса ДМС

Одной из задач исследования было выявить смысловые контексты информантов при совершении ими выбора той или иной формы медицинского обслуживания. Рассматриваемый выбор формы медицинского обслуживания означает решение не только его использовать, но и, напротив, – не использовать, поэтому в работе будут освещены и те ситуации, при которых индивид выбирает не использовать определенный вид медицинской помощи.

Опыт негативного взаимодействия и недоверие к системе ОМС и частной медицине

Основная причина, по которой информанты выбирают добровольное медицинское страхование как форму медицинского обслуживания, – негативный опыт в государственном здравоохранении по полису ОМС и в сфере частной медицины. Такой опыт формирует отрицательные ожидания

от бюджетного здравоохранения и, следовательно, низкое институциональное доверие. Добровольное медицинское страхование сочетает повышенное качество и комфорт, присущие частной медицине, но также ограниченную рыночную логику, свойственную обязательному медицинскому страхованию. За услуги платит страховая компания, а не сам индивид, поэтому его не воспринимают исключительно как клиента и не пытаются навязать дополнительные услуги. Владелец полиса ДМС – клиент страховой компании, а не медицинского учреждения, и такое посредничество позволяет снизить оппортунистическое поведение со стороны медицинских учреждений (что порой в негативном смысле отличает частную медицину). В то же время государственное здравоохранение – система, где у персонала нет стимула для качественной работы и хорошего обращения с клиентом ввиду отсутствия конкуренции и малого финансирования.

У нас [в России] нет культуры заботы о себе, и тело является непонятным чем-то, а попытки обращения к специалистам за разъяснениями, что не так с моим телом, проходят в бюро-

кратическом аду, в очередях, унижении и фрустрации (женщина, офисный работник, корпоративная страховка);

Просто в моем представлении типичный терапевт в поликлинике, в которой ты обсуждаешься по ОМС, это какая-нибудь... пожилая женщина... которая на любую болезнь выписывает одни и те же таблетки (женщина, студентка, корпоративная страховка от бойфренда).

Рациональный выбор формы медицинского обслуживания

Выбор формы медицинского обслуживания не перманентен: в зависимости от обстоятельств индивид может выбирать ту или иную форму для достижения цели. Помимо трех основных институционализированных форм – обязательного медицинского страхования, добровольного медицинского страхования, частной медицины – также присутствуют самолечение и нетрадиционная медицина. Выявленные мною поводы для обращения к той или иной форме отражают не только рациональность поведения потребителей, но и наличие у них доверия в выборе форм. Незначительные и формальные причины «поручаются» государственному здравоохранению, а вопросы, требующие профессионализма и высокого качества, – ДМС и частной медицине. Легкий доступ к медицинской информации и неудобство обращения в медицинские учреждения привели к тому, что люди нередко выбирают самолечение в качестве альтернативы институционализированной медицине. Тем не менее к самолечению прибегают исключительно в случаях легких недомоганий, но не серьезных проблем со здоровьем. По сравнению с частной медициной полис ДМС снижает издержки поиска, так как предоставляет готовые пакеты услуг в определенных медицинских учреждениях, а также издержки контроля качества, так как участником сделки выступает страхования компания. Контрактная основа ДМС снижает уровень неопределенности в сфере медицинских услуг благодаря четко регламентируемым отношениям пациента и медицинского учреж-

дения. Таким образом, при «невысоких ставках», когда речь не идет о жизни и смерти, индивид использует не наиболее качественную, а наименее затратную форму медицинского обслуживания.

К терапевту насчет простуды, выписать справку, это я пошла бы в обычную поликлинику, к кардиологу тоже, а если это какой-то психотерапевт, или там гинеколог... я бы пошла в частную клинику, потому что мне кажется, что эти врачи в общих поликлиниках не всегда хорошие (женщина, студентка, корпоративная страховка от отца);

Издержки временные с учетом того, что я должен делать это в рабочее время, сопоставимые со стоимостью приема у тех же специалистов в частной клинике, и плюс, вспоминая качество обслуживания... я просто счел целесообразным пользование государственной структурой обслуживания и принял решение о приобретении страховки (мужчина, офисный работник, частная страховка).

Стигматизация и контроль над здоровьем

Помимо общей неудовлетворенности качеством медицинских услуг по ОМС в нарративах информантов присутствовала категория отрицательной стигматизации со стороны врачей в государственных учреждениях. Стигматизация и обвинение пациента ведут к его нежеланию обращаться за медицинской помощью²³, что в долгосрочной перспективе приводит к плачевным последствиям: побочным эффектам от самолечения, переходе заболевания в терминальную стадию, преждевременной смерти. Стигматизация в здравоохранении интернализуется даже при отсутствии у индиви-

да негативного опыта и исходит не только от медицинского персонала: озабоченный своим здоровьем человек даже при наличии объективных причин для беспокойства маркируется окружающими, медицинским персоналом и даже самим собой как «ипохондрик» и «нытик». Ожидание стигматизации ведет не только к самообесцениванию недомаганий, но и к низкому доверию к здравоохранению. Полис добровольного медицинского страхования служит в данном случае инструментом социальной политики в отношении профилактики заболеваний: переход из патерналистской модели взаимоотношений «врач – пациент» в контрактную повышает уверенность потребителя медицинских услуг в своем праве на обращение даже при отсутствии явного повода. Такая трансформация позволяет обрести больший контроль над здоровьем: самостоятельно решать, какие поводы достойны обращения к врачу, более внимательно относиться к недомаганиям, включить «необязательные» профилактические визиты в стратегию заботы о здоровье.

Мне не нравится это негативное отношение ко мне: вроде как я пришла за помощью, а на меня смотрят, как не знаю на кого. Я ничего плохого не хотела, а получилось, что сделала... когда я приобрела ДМС, я стала с большей охотой ходить к врачам... Раньше... меня надо было до полусмерти довести, чтоб я туда пошла (женщина, офисный работник, частная страховка); Благодаря полису ДМС можно, в принципе, даже если что-то не болит, пойти и проверить, а нет ли у меня чего, что может не болеть, но также негативно влиять на меня (мужчина, офисный работник, частная и корпоративная страховка).

Заключение

Основное предположение работы о роли недоверия к одним институтам при выборе других нашло отражение в нарративах информантов: негативные ожидания от государственного здравоохранения и частной медицины вели к выбору такой формы

медицинского обслуживания, как добровольное медицинское страхование. Доверие к данной системе основано на балансе между рыночной логикой здравоохранения и наследием распределительной экономики СССР в сфере медицины. Тем не менее доверие к ДМС не является основным мотивом для его использования: ввиду малой информированности населения и нераспространенности системы ДМС у людей не сформированы никакие ожидания относительно данной формы медобслуживания. В структуре выбора также присутствует рациональность в виде стремления минимизировать издержки – временные и денежные – и выбрать форму соответственно текущим потребностям. Несмотря на высокий спрос на услуги по полису ДМС при его наличии, сохраняется запрос на социальную защиту от государства – полная маркетизация здравоохранения будет невыгодна для малообеспеченных социальных групп. Полис ДМС воспринимается как бонус, позволяющий получить лучшее обслуживание и более высокое качество медицинских услуг, но не как реальная конкуренция системе ОМС. Тем не менее при наличии выбора потребители будут стремиться избегать государственное здравоохранение, которому они не доверяют, и частную медицину, которая слишком дорога. Одним из ограничений данного исследования стала редукция эмпирического объекта до обладателей полиса ДМС, что могло повлиять на представления о ранее используемых формах медицинского обслуживания. Также, во многом из-за молодости большинства информантов в выборке, существует угроза недостаточного раскрытия представлений тех пользователей, для которых необходимо большое количество медицинских манипуляций и для которых доступность медицинской помощи жизненно важна. В будущем перспективным направлением для исследований, которые позволят повысить качество выводов о системе добровольного медицинского страхования, могут стать биографические исследования потребителей различных форм медицинских услуг.

²³ Werner A., Isaksen L., Malterud K. “I’m not the Kind of Woman Who Complains of Everything”: Illness Stories on Self and Shame in Women with Chronic Pain // *Social Science & Medicine*. 2004. Vol. 59. P. 1035–1045;

Gamlin J. Shame as a Barrier to Health Seeking among Indigenous Huichol Migrant Labourers: An Interpretive Approach of the “Violence Continuum” and “Authoritative Knowledge” // *Social Science & Medicine*. 2013. Vol. 95. P. 75–81.

Резюме неудач¹

Далеко не все мои начинания можно назвать удачными. Однако эти неудачи часто оказываются незамеченными в отличие от успешных деяний, которые придают огласке. Я понял, что такое положение дел иногда создает у окружающих впечатление, что мне многое удастся. В результате люди, вероятнее всего, винят себя в своих неудачах, забывая о том, что жизнь полна случайностей, подача заявок – это лотерея, а у членов комиссий, занимающихся отбором, и судей бывают плохие дни. Представленное резюме неудач призвано сбалансировать достижения и выстроить некоторую перспективу рассуждений. Данная идея не моя, она появилась благодаря опубликованной в журнале «Nature» блестящей статье Мелани Стефан, преподавателя факультета биомедицинских наук Эдинбургского университета. Ее статью можно прочитать здесь², ее вебсайт расположен здесь³, ее список публикаций доступен здесь⁴, найти ее в Twitter можно как @MelanieIStefan. Также я не единственный преподаватель, кто опубликовал свое резюме неудач. Ранние версии смотрите здесь⁵, здесь⁶, здесь⁷ и здесь⁸.

Резюме вряд ли можно назвать полным – оно было написано по памяти и, скорее всего, в нем многого не хватает. Если ваше резюме неудач окажется длиннее, чем мое, – не отчаивайтесь. Возможно, у вас лучше память или вы активнее в своих начинаниях!

¹ Текст публикуется по материалу: Haushofer J. CV of Failures. URL: https://www.princeton.edu/~joha/Johannes_Haushofer_CV_of_Failures.pdf

² <https://www.nature.com/naturejobs/science/articles/10.1038/nj7322-467a>

³ <http://melaniestefan.net/>

⁴ <https://scholar.google.com/citations?user=vXp6iicAAAAJ>

⁵ https://738d9b89-a-62cb3a1a-s-sites.googlegroups.com/site/bradleyvoytek/professional/voytek_cv.pdf?attachauth=ANoY7cow1FFVOYWxag2I3iQdFs3MoGz-vrFmKfN7uSFE9ijwhIxP0A0X74e8JDMFEggI7AUoVrW6IXSFgeE6xNZ19aff9p-OMJX9M5MAmJc1H1mrEeaIev0vugpCjsO-X2uD0D7rf0q9Z3oD-EVAcPQPRIGWMygDyW9REQD4d91WUVFZ15nO3onFJ3FpaQI1FKVphv9Es67la1YkQ3Wdc9L7hdEzrwvW32fx5Q20_huLo--yXM3Nupc8%3D&attredirects=0

⁶ <http://www.salarywe.se/>

⁷ <https://course.novoed.com/creativity13>

⁸ http://everydayscientist.com/CV/sjl_CV-failures.pdf

Йоханнес Хаусхофер

Учебные программы, на которые я не поступил

- 2008 PhD Program in Economics, Stockholm School of Economics
- 2003 Graduate Course in Medicine, Cambridge University Graduate Course in Medicine, UCL
- PhD Program in Psychology, Harvard University
- PhD Program in Neuroscience and Psychology, Stanford University
- 1999 BA in International Relations, London School of Economics

Академические позиции, которые я не получил

- 2014 Harvard Kennedy School Assistant Professorship
- UC Berkeley Agricultural and Resource Economics Assistant Professorship
- MIT Brain & Cognitive Sciences Assistant Professorship

Этот список ограничен университетами, в которых я был физически; список же учреждений, где я проходил интервью без приглашения посетить кампус и куда меня не допустили до интервью, намного длиннее. По возможности я такой список составил. В этом списке также не отражен тот факт, что я не пытался устроиться в большинство топовых факультетов по экономике (Harvard, MIT, Yale, Stanford, Princeton, Chicago, Berkeley, LSE), поскольку один из моих научных руководителей отказал мне в положительных рекомендательных письмах.

Награды и стипендии, которые я не получил

- 2011 Swiss Network for International Studies PhD Award
- 2010 Society of Fellows, Harvard University Society in Science Scholarship
- University of Zurich Research Scholarship 1
- 2009 Human Frontiers Fellowship
- 2007 Mind-Brain-Behavior Award (Harvard University)
- 2006 Mind-Brain-Behavior Award (Harvard University)
- 2003 Fulbright Scholarship
- Haniel Scholarship (German National Merit Foundation)

Журналы, которые отказывали мне в публикации статей

- 2016 QJE, Experimental Economics
- 2015 American Economic Review x2
- 2013 PNAS, Experimental Economics, Science, Neuron
- 2009 American Economic Review
- 2008 Science, Neuron, Nature Neuroscience, Journal of Neuroscience, Journal of Vision

Исследовательские гранты, которые я не получил

- 2016 MQ Mental Health Research Grant
- 2015 Russell Sage Research Grant (two separate ones)
- 2013 National Science Foundation Research Grant
- 2010 University of Zurich Research Grant
- Swiss National Science Foundation Research Grant
- 2009 Financial Innovation Grant
- International Labor Organization Research Grant 3ie Research Grant

Прочие неудачи

- 2016 Резюме моих неудач получило гораздо большую огласку, чем вся моя академическая работа за весь карьерный период!

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ

Научный руководитель

Вадим Радаев

доктор экономических наук, профессор
департамента социологии, первый проректор,
руководитель ЛЭСИ НИУ ВШЭ

Редакционный совет

Зоя Котельникова

кандидат социологических наук, доцент
департамента социологии, старший науч-
ный сотрудник ЛЭСИ НИУ ВШЭ

Елена Бердышева

кандидат социологических наук, доцент
департамента социологии, старший науч-
ный сотрудник ЛЭСИ НИУ ВШЭ

Елена Гудова

аспирант департамента социологии, млад-
ший научный сотрудник ЛЭСИ НИУ
ВШЭ

Софья Урманчева

журналист, редактор

Художественный редактор (дизайн и верстка)

Мария Мишина

социальный психолог, журналист,
дизайнер

Отдельная благодарность

Корректору Елене Евгеньевне Андреевой

НАШИ АВТОРЫ

Григорий Юдин

кандидат философских наук, старший на-
учный сотрудник ЛЭСИ НИУ ВШЭ, про-
фессор МВШСЭН

Анна Соколова

стажер-исследователь ЛЭСИ НИУ ВШЭ

Полина Колозариди

научный сотрудник Центра социологии
высшего образования Института образо-
вания, преподаватель департамента медиа
факультета коммуникаций, медиа и дизай-
на НИУ ВШЭ, координатор клуба любите-
лей интернета и общества

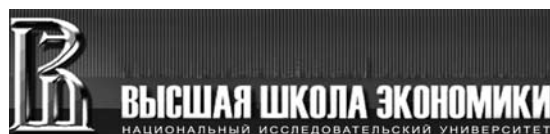
Анна Щетвина

студентка образовательной программы
«Культурология» НИУ ВШЭ, член клуба
любителей интернета и общества

Йоханнес Хаусхофер

доцент факультета психологии Принстон-
ского университета

Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.
web: www.hse.ru

ЛАБОРАТОРИЯ
ЭКОНОМИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая,
д. 9–11, комн. 530
тел.: 8 (495) 772 95 90 доб. 12452
e-mail: kotelnikova@hse.ru
web: <http://www.hse.ru/mag/newsletter/>

Адрес редакции

Россия, 101000, г. Москва,
ул. Мясницкая, д. 9–11, комн. 530
тел.: 8 (495) 772 95 90 доб. 12452

Выходит один раз в два месяца
Тираж 500 экз.

Распространяется бесплатно

Веб-версия номера:
<http://www.hse.ru/mag/newsletter/>